

В. А. Прищепова

ВЫСТАВКИ 1930-х гг. ОТДЕЛА ПЕРЕДНЕЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ КУНСТКАМЕРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОТОКОЛЛЕКЦИЙ)

АННОТАЦИЯ. Для истории Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН) 1930-е гг. представляют особый интерес. Именно в послереволюционный период были сформулированы новые направления работы отечественных этнографов, основанные на марксистском понимании социально-экономических отношений. В МАЭ хранится нескольких фотоколлекций этого периода, которые содержат изображения первых советских этнографических выставок по народам Средней Азии и Казахстана. Наиболее ранней была выставка экспонатов по народам региона. В 1931 г. состоялась фотовыставка, посвященная Женскому дню 8 марта. На снимках была показана жизнь женщин Средней Азии 1920–1930-х гг., перемены, происходившие в обществе и культуре. В 1932–1935 гг. в связи с десятилетней годовщиной образования республик Средней Азии в Ленинграде прошли конференции АН СССР по изучению производительных сил региона. К праздничным мероприятиям были приурочены юбилейные выставки, которые стали первым показом музейных этнографических коллекций, организованные после утверждения новых идеологических установок. Экспозиция «Таджики и припамирские иранцы» должна была стать частью будущей постоянной выставки, в которую вошли бы коллекции по нескольким крупным народам региона. На примере выставок МАЭ, которые прошли в 1930-е гг., можно судить, насколько идеологические установки влияли на выставочную деятельность музея.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: выставка, экспозиция, этнография, народы Средней Азии, музей, фотография, снимок

УДК 069.5:39

DOI 10.31250/2618-8619-2019-2(4)-130-146

ПРИЩЕПОВА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА — к.и.н., с.н.с. отдела этнографии Центральной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: vapr@kunstkamera.ru

Для истории Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН 1930-е гг. представляют особый интерес. Именно в послереволюционный период были сформулированы новые направления работы отечественных этнографов, основанные на марксистском понимании социально-экономических отношений.

В МАЭ хранится нескольких фотоколлекций 1930-х гг., которые содержат изображения советских этнографических выставок по народам Средней Азии. Первая из них представляла собой большую экспозицию, а позже, после ее закрытия и утверждения марксистских идеологических методов, отдел пытался участвовать еще в нескольких, временных, базировавшихся на принципах нового мировоззрения. Фотоколлекции 1930-х гг. являются уникальным визуальным источником для изучения содержания экспозиций, методов их создания, опиравшихся главным образом на установки официально утвержденного этнографического музееведения. К сожалению, какие-либо дополнительные источники, в том числе среди музейной документации, о выставках МАЭ по народам региона 1920–1930-х гг., отсутствуют. Наследие послереволюционных лет не могло не затронуть жизнь региона, и это нашло отражение в материалах исторических фотографий этого периода, по которым можно проследить эволюцию становления советской власти.

Среди многочисленных иллюстративных коллекций музея хранится ряд негативов без отпечатков, по которым трудно определить содержание снимков. Одна из таких коллекций, датированная 1930-ми гг., включает в себя тридцать семь изображений экспозиционных витрин, перенасыщенных вещами (МАЭ И 725). При более пристальном изучении снимков, удалось узнать старинные шкафы-витрины МАЭ. Эта музейная мебель до настоящего времени создает в залах впечатление классического стиля. По снимкам фотоколлекции определить, в каком зале музея были выставлены этнографические предметы, не представляется возможным. Скупые тексты под снимками вроде «Виды Музея антропологии и этнографии: предметы быта казахов (узбеков и равнинных таджиков и т. д.)» содержали мало информации. К сожалению, кроме негативов никаких письменных источников, в том числе среди музейной документации, о существовании экспозиции по народам Средней Азии и Казахстана в МАЭ в 1930-е гг. обнаружить не удалось, как и сведений об авторах выставки (понятно, что это были сотрудники музея) и фотографах, которые выполнили снимки. В настоящее время невозможно определить, временная или постоянная была экспозиция, литературные упоминания о ней отсутствуют. Это вызывает удивление, хотя бы потому, что для отдела, который никогда не имел постоянной экспозиции, каждая выставка была событием.

В результате изучения фотоколлекции сложилось впечатление, что шкафы в залах напоминали переполненные полки антикварного магазина, и вещевые фонды отдела были выставлены полностью. Демонстрация музейных собраний напоминала скучную вещевую лавку, отсутствовали коллекции иллюстративного фонда, макеты, жанровые сценки, которые продемонстрировали бы бытование предметов обихода.

Тем не менее на экспозиции были представлены не все народы региона. Например, по какой-то причине отсутствовали коллекции по туркменам и киргизам. Судя по скучности предметов в витринах и бессистемности их показа, эту выставку монтировали без выраженной концепции, возможно, как постоянную, но без учета изменившихся идеологических установок, и, вероятно, по этой причине в 1933–1934 гг. ее демонтировали. Это предположение подтверждают слова С. М. Абрамзона, известного специалиста по кочевым народам, о необходимости перехода к новому этапу музейного языка и о том, что «этнографические музеи Ленинграда до 1934 г. в показе Средней Азии были на старых позициях буржуазного вещеведения и пресловутой “экзотики”»

(Абрамзон 1935: 136). О необходимости реэкспозиции отдела Средней Азии к ноябрю 1934 г. сообщал также иранист А. Н. Кондауров (Кондауров 1934).

По всей видимости, в музейной практике МАЭ 1930-х гг. активное использование такого демонстрационного оборудования, как экспозиционные манекены, было мало распространено. В оформлении рассматриваемой выставки присутствовали в основном абстрактные манекены, с условными лицами, выполненными из тканевого покрытия. Классические музейные манекены, воспроизводившие антропологические типы, которые оживляли бы однообразную академическую выставку, были в единичных экземплярах¹.

На выставке большое пространство (МАЭ И 725-1–5) было выделено для демонстрации хозяйственно-бытовой утвари казахов, музыкальных инструментов, свадебной одежды, в том числе двух нарядных головных уборов *саукеле* невесты, образцов вышивки. Кадр из фотоколлекции сохранил изображение шкафа, в котором была установлена модель казахской юрты, поступившей в музей в конце XIX в. (рис. 1).

Коллекции по равнинным таджикам демонстрировались вместе с предметами быта узбеков, а по горным таджикам — в отдельном шкафу (МАЭ И 725-7, 8, 14). Насыщенным по количеству представленных коллекционных вещей были шкафы по памирским иранцам (МАЭ И 725-15, 17). Долгие годы коллекции по многочисленным ираноязычным памирским народам и ягнобцам объединяли понятием горные таджики или памирские иранцы. В нескольких шкафах были сосредоточены изделия традиционных среднеазиатских ремесел, керамическая и металлическая посуда (МАЭ И 725-8, 13). В двух узких шкафах были выставлены среднеазиатские игрушки, отдельная витрина демонстрировала глиняные свистульки (МАЭ И 725-10–12). Один из шкафов посвящался персидским и среднеазиатским дервишам, три манекена были одеты в характерные костюмы, отличные один от другого. Здесь же демонстрировались сосуды для подаяний и другие ритуальные принадлежности (рис. 2). По всей видимости, ярким пятном выделялся шкаф с предметами быта, национальными костюмами каракалпаков.

В трех шкафах на экспозиции были выставлены народная одежда и предметы традиционного быта хазар, белуджей и джемшидов, ираноязычных кочевников, которые в 1920-е гг. проживали на территории Туркмении (МАЭ И 725-18–20). Именно снимки экспозиции по этим народам позволили предположительно определить время создания выставки. Коллекции по ираноязычным кочевникам появились в МАЭ после их передачи участниками Среднеазиатской этнологической экспедиции, которая работала под руководством известного ираниста И. И. Зарубина в 1926–1929 гг. (Прищепова 2000: 135–189). Таким образом, получается, что выставка монтировалась в 1930–1931 гг. (в более ранние периоды экспозиции или выставок у отдела не было) и просуществовала около трех лет. Несколько шкафов выставки отдела Передней и Средней Азии были выделены для коллекций, характеризовавших традиционную культуру, художественные промыслы и религиозный культ зарубежных народов — иранцев, афганцев и оседлого населения Китайского Туркестана (МАЭ И 725-22-37).

Отдел Центральной Азии (в недавнем прошлом отдел Передней и Средней Азии, затем отдел Средней Азии и Казахстана) МАЭ традиционно не имел и не имеет постоянной экспозиции. Поэтому изучение фотографий первой экспозиции советского времени, смонтированной еще без

¹ Для МАЭ характерен образный показ исторического костюма с помощью прекрасно выполненных профессиональными художниками и скульпторами этнографических манекенов, которые передают антропологические особенности конкретного этноса и являются неотъемлемой частью музейной экспозиции. История создания манекенов для экспозиции Кунсткамеры относится к началу 1760-х гг. (Харганович 2011). По сообщению Осипа Беляева, в конце XVIII в. вокруг галереи музея были расставлены восковые фигуры разных народов, в том числе киргиза в национальном платье и уборе (Беляев 1800: 154).

Рис. 1. Модель казахской юрты. 1930-е гг. Казахи. МАЭ И 725-1

давления идеологических установок более поздних лет, предоставило редкую возможность увидеть практически полное собрание музейных предметов по региону не только в фондохранилище, но и в качестве демонстрационного материала.

В истории МАЭ послереволюционный период характеризовался сокращением собирательства. В отчетах музея отмечалось немногочисленное пополнение коллекций, в основном за счет передачи из других учреждений (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1920. № 1. Л. 8). Продолжить экспедиционную деятельность музея удалось организатору и руководителю советской этнографической науки тех лет директору МАЭ Н. М. Маторину. Поездки в Среднюю Азию и Казахстан возобновилась лишь со второй половины 1920-х гг. Их участники доставляли с мест вещевой и информационный материал, прежде всего о мероприятиях в области экономики и культурного строительства края (Прищепова 2000: 80–189).

Политико-просветительская работа в области этнографии должна была осуществляться в музеях также путем введения новых методов демонстрации коллекционных предметов. Под руководством Н. М. Маторина и при его участии в музее произошли большие изменения. В 1931 г. состоялась фотовыставка, посвященная Женскому дню 8 марта (МАЭ И 4403, И 556). Невозможно определить место, где проходила выставка, возможно, она была в МАЭ. Как случилось в те годы, фотоизображения передали в фонды музея после проведения выставки. К сожалению, каких-либо сведений о ней, кроме кратких комментариев к негативам и отпечаткам, обнаружить не удалось.

На снимках экспозиции показана жизнь женщин Средней Азии 1920–1930-х гг., перемены, происходившие в обществе и культуре. В 1931 г. открытие выставки, посвященной быту, учебе

Рис. 2. Персидские и среднеазиатские дервиши. 1930-е гг. МАЭ И 725-21

и работе женщин Средней Азии, было важным событием политической и культурной жизни края. Работа с женщинами занимала особое место среди культурных преобразований в регионе первых лет советской власти. Так называемый женский вопрос решался противоречиво и с грубейшими просчетами. Втягивание женщин Туркестана в революционные преобразования проходило практически при отсутствии реальных возможностей для коренного изменения их бытовых условий. Местные органы не желали считаться с менталитетом коренного населения. Партия и государство прибегали к методам революционного насилия, к ломке устоявшегося жизненного уклада, что вызывало мощный социальный протест.

Борьбе женщин народов Средней Азии и Казахстана 1920–1930-х гг. за социальное и духовное раскрепощение в советской исторической науке посвящено немало работ. Однако в них специально не рассматривался вопрос о роли новых советских праздников, массовых кампаниях по проведению Международного дня работниц 8 марта (Тульцева 1986). Фотографии, представленные на выставке 1931 г., проникнуты атмосферой того времени, рассказывают о попытках коренным образом изменить быт восточной женщины, привлечь ее к социалистическому строительству. Они стали ценным этнографическим и историческим источником.

По количеству изображений это чуть больше полусотни кадров. Тематически фотоматериалы о женской эмансипации в регионе можно условно разделить на группы: женщины на производстве и занимающиеся общественной деятельностью. Часть снимков, представленных на женской выставке 1931 г., была посвящено материнству и детству.

Для увеличения общественно-политического значения мероприятий по проведению 8 марта организаторы пытались приурочить революционный праздник к значимым событиям, например к открытию новых учреждений по охране материнства и младенчества. Так, на фотографии «Расположение кроваток в детских яслях» показаны два ряда деревянных детских колыбелек современного европейского типа, с боковыми бортиками-рейками, с постельным бельем белого цвета (МАЭ № 4403-2). По конструкции они сильно отличались от привычных для местных жителей традиционных среднеазиатских люлек. На следующих снимках, представленных на женской выставке 1931 г., фотокамера запечатлела медицинскую консультацию (МАЭ № 4403-5, 11, 12, 24). Для мусульманок организовывали занятия кружков «матмлада» (материнства и младенчества) с лекциями, тем самым пытаясь повысить культуру повседневности, хотя в регионе существовали традиционные санитарные нормы исламской личной гигиены. Государство стремилось привить «советский образ жизни», новые поведенческие нормы, проявляло заботу о матери и ребенке.

Советская власть вводила новое понятие материнства, новые институты социализации детей, создавались учреждения общественного воспитания, пересматривалась культура детства, традиционный институт брака и семьи считался пережитком. Власти принимали меры по охране материнства и детства, делались единичные попытки создания детских яслей, садов, столовых.

На фотографии «Детский сад при ташкентском женском клубе» женщины в откинутых назад головных накидках с детьми разного возраста стоят или сидят полукругом. Здесь же присутствуют организаторы мероприятия — русские активистки и медработники в белых халатах, кто-то вслух зачитывает документ. Глядя на эти снимки, порой забываешь, что выполнить их фотоаппаратом было непросто. Большинство местных людей прежде никогда не видели фотокамеру, они могли ее бояться, не разрешать себя фотографировать.

Значительная часть снимков выставки 1931 г. демонстрировала участие женщин региона в политической жизни края. По замыслу советских идеологов женщина должна была покинуть сферу дома и вне его начать социальную реализацию. В начале 1920-х гг. в Средней Азии проводилась подготовка к Всероссийскому съезду женщин Востока. Женские съезды и конференции стали одним из новых механизмов вовлечения женщин в публичное пространство. Сборы будущих делегатов имели звучные названия — собрания, конференции, съезды, выборы. Первые съезды и конференции должны были стать площадкой, где отрабатывалось новое женское поведение, не только с женщинами других возрастов и сословий, но и с мужчинами и почетными стариками (что было особенно трудным для мусульманок), с людьми другой культуры и национальности (Адибекян 2007; Алферова 2011).

Фотокамера зафиксировала сценку с участницами одной такой конференции. Крупная женщина с короткой стрижкой, в пальто мужского фасона, названная в аннотации к снимку Клавдией Николаевой, беседует с двумя улыбающимися делегатками в национальной одежде. Фотография передает типаж русской деятельной женщины, избавленной от старых стереотипов, видимо, отличавшейся смелым поведением и решительным настроем. Среди местных не нашлось активисток, готовых выступать перед публикой и взяться за организационную работу. Поэтому просветительской работой занимались русские.

Можно предположить, что в этой сценке со среднеазиатскими женщинами беседует известная в те годы партийная и профсоюзная деятельница Клавдия Ивановна Николаева (1893–1944). Она была профессиональной революционеркой. К. И. Николаева родилась в рабочей семье, образование получила 4 класса, рано начала работать, ее неоднократно арестовывали, ссылали. В дальнейшем она занимала ряд руководящих партийных и государственных постов.

На выставке к Женскому дню 8 марта 1931 г. среди уникальных фотографий были представлены и такие, как «Демонстрация по поводу снятия паранджи» и «Сжигание паранджи на костре» (рис. 3). Для второй половины 1920–1930-х гг. подобные события в регионе не были редкостью. Борьба с исламом внешне выражалась в снятии паранджи. Активная кампания против ношения головных накидок началась с конца 1920-х гг. По призыву Компартии Узбекистана было создано движение «Худжум!» («Наступление!») против паранджи. Знаковой датой борьбы за снятие головных покрывал как символа затворничества мусульманок выбрали Женский день 8 марта 1927 г. В этот день на площадях городов проводили митинги, затем сбрасывали накидки и сжигали их. Это повторялось на протяжении нескольких лет в день 8 марта.

Феминистская окраска происхождения революционного праздника 8 марта многими уже забыта, как и его социальное и политическое значение. Фотоколлекции из фондов Кунсткамеры, экспонировавшиеся в связи с празднованием Дня 8 марта 1931 г., были выполнены первыми советскими репортерами 1920–1930-х гг., имена которых неизвестны. Снимки с выставки отражали борьбу женщин региона в условиях патриархального быта за равноправие с мужчинами. На основе анализа содержания этих изображений очевидна трансформация образа женщины в 1920–1930-е гг. Исторические фотографии стали уникальным свидетелем важнейших событий отечественной истории, источником изучения выставочной деятельности музея 1920–1930-х гг., становления и развития советских праздников и обрядов, истории женского движения в регионе.

В 1930-е гг. сотрудники отдела создали ряд временных выставок на базе методов советской школы в этнографии. Поводом к этому стала десятилетняя годовщина образования республик Средней Азии (1924–1934). В 1932–1935 гг. в связи с юбилейной датой в Ленинграде прошли конференции АН СССР по изучению производительных сил региона. В их работе принимали участие не только академические, но и местные научные организации. Музейное строительство в среднеазиатских республиках находилось в состоянии первоначального роста и накопления и проходило медленными темпами. Юбилейные выставки, приуроченные к праздничным мероприятиям, проводились в Большом конференц-зале АН СССР и стали первым показом музейных этнографических коллекций, организованным после утверждения новых идеологических установок. Юбилейные выставки «Производительные силы Узбекской ССР» и «Производительные силы Таджикистана» задумывались как госзаказ в виде отчета о достижениях и успехах народов Средней Азии за прошедший послереволюционный период.

О содержании экспозиций свидетельствуют фотоколлекции, сохранившие изображения стендов и витрин юбилейных выставок. Выставки отличались друг от друга по структуре и концепции. Фотографии не дают полноценного представления о расположении в залах витрин, шкафов, коллекций в них, стендов, неизвестны имена авторов снимков, точные годы и обстоятельства их создания. Но получить хотя бы общую картину об особенностях выставочной деятельности МАЭ 1930-х гг. и методах создания экспозиций можно.

Одна из фотоколлекций, рассказывающая о содержании выставки «Производительные силы Таджикистана», состоит из более чем двухсот отпечатков и негативов, которые были на экспозиции. После закрытия выставки снимки передали в качестве иллюстративной коллекции в МАЭ (МАЭ И 68). Тематика и очередность расположения материалов выставки были продуманы в идеологическом плане. Посетители должны были увидеть контраст между старым и новым миром, представить тяжелый труд крестьян до революции, а затем достижения и успех народного хозяйства советского Таджикистана. Например, среди населения особенно остро стоял вопрос здравоохранения, создания медицинских учреждений, медпунктов. Так, на одном из снимков показано

Рис. 3. Демонстрация по поводу снятия паранджи.
С женской выставки. 1930-е гг. Средняя Азия. МАЭ № 4403-30

старое здание Наркоздрава с соломенной крышей, напоминающее сарай, а рядом — новая больница (рис. 4). Пережитки прошлого демонстрировали фотографии о натуральном земледельческом хозяйстве дехкан, крестьян, и их угнетении администрацией эмира, как, например, снимок «Сбор чиновником урожая у дехкан» (МАЭ И 68-55). Новую социальную реальность демонстрировали группы снимков, объединенных популярными темами о радостном труде, защите от врагов.

На одном из снимков изображен «Красный караван», который был организован, судя по аннотации к фотографии, в Таджикистане. В кадре столпилось огромное количество людей, вьючный скот с мешками. Все это производит впечатление беспорядочного движения. В истории Казахстана периода НЭПа известен «Красный караван», возникновение которого было связано с событиями 1922 г. После бурных революционных лет, окончания Первой мировой войны, затишья Гражданской наступил неурожай 1921 г., принесший голод, холод, разруху. Для оказания неотложной помощи голодающему населению было решено направить в бедствующие регионы гуманитарную экспедицию. Караван вез с собой большое количество продуктов, мануфактуры, медикаментов. «Красный караван» был сформирован не только для доставки продуктов питания, но и с целью пропаганды декретов советской власти и разъяснения национальной политики (Даулет Изтелеу 2016). Возможно, по образцу этого агитпоезда в дальнейшем создавались другие губернские караваны, в том числе в Таджикистане.

Одновременно с началом послереволюционных преобразований в Туркестане началось формирование основных очагов сопротивления большевикам. В музее сохранился ряд фотодокументов, посвященных движению басмачества. На снимке зафиксирован отряд вооруженных всадников, басмачей, который продвигается в горах. Документальность этого снимка вызывает сомнение

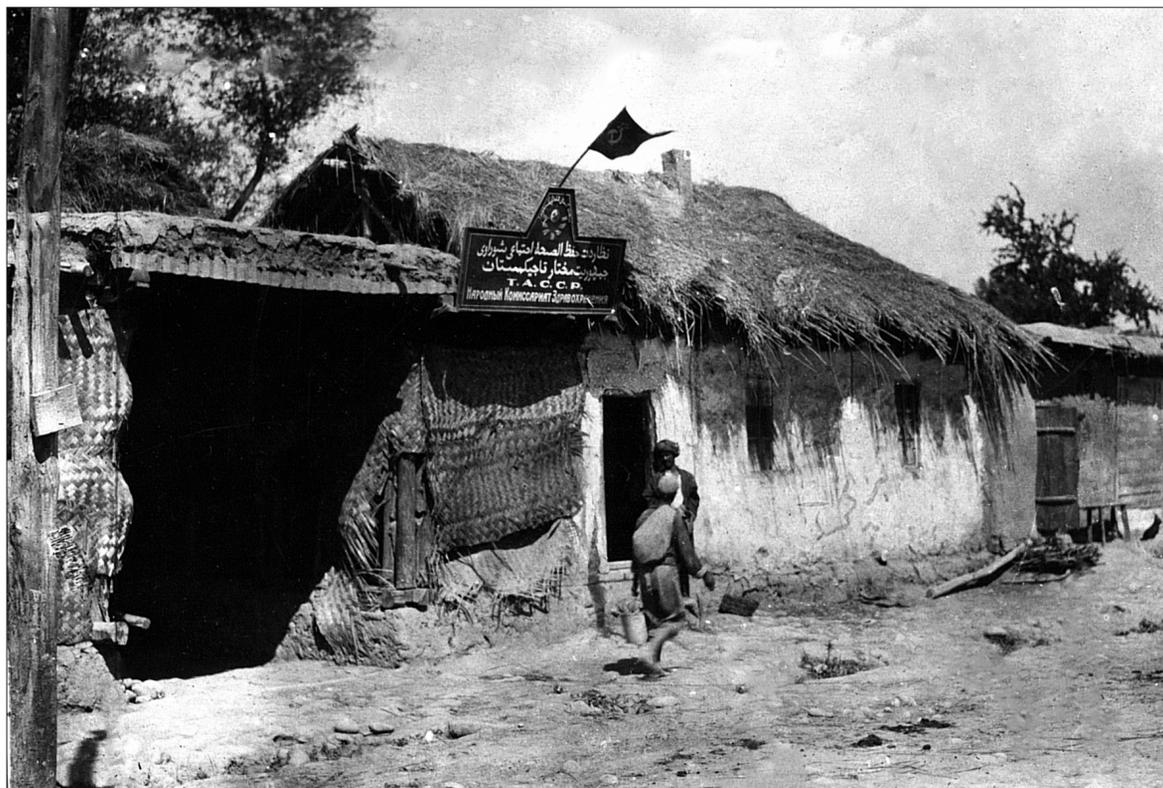

Рис. 4. Здание старого Наркомздрава. С выставки «Производительные силы Таджикистана». 1933 г. Таджики. МАЭ, кол. № И-68-100

и поднимает сразу несколько вопросов. Как удалось сфотографировать басмачей? Отряд вооруженных басмачей не скрывался, позировал и ждал фотографа, когда он расположится со своей громоздкой фотоаппаратурой и направит камеру? А что потом стало с ним? Или снимок был сделан после их ареста?

На другом документальном кадре запечатлены участники басмаческого движения, действовавшие на территории Матчинского бекства Таджикистана, во время суда над ними. Любопытны реакция зрителей, наблюдавших за судебным процессом, митинг, который проходил на базаре по случаю сдачи басмачей. Снимки также демонстрировали борьбу с басмачеством, создавали образ красноармейцев, пламенных борцов за новую жизнь (рис. 5).

Одной из первоочередных задач советской власти была организация светского просвещения, ликвидация массовой безграмотности народа — ликбеза. Осуществление этой государственной программы означало массовое обучение неграмотных взрослых чтению и письму. Поэтому культурные преобразования начались с ликвидации неграмотности среди взрослого населения. На одном из снимков слушательницы закутаны в головные накидки (рис. 6).

На фотографии «Занятия ликбеза» школьный класс с детьми расположился под открытым небом. Для детей вводилось совместное обучение. Девочки сидят на скамьях, мальчики стоят и с интересом слушают двух учителей, мужчину и женщину. Прежде чем развивать школьное дело в Таджикистане, организовывать будущий фундамент системы образования, нужны были учебники на родном, таджикском, языке, которые отсутствовали. На снимке многие держат пособие газетного формата. У доски девочка учится писать латинским шрифтом. Это фотография датирована 1930 г., а в 1927 г. начался перевод таджикской письменности с персидского алфавита на латиницу. Позже,

Рис. 5. Процесс басмачей Матчинского бекства. С выставки «Производительные силы Таджикистана». 1933. Таджики. МАЭ И-68-65

в 1936 г., в рамках русификации началась новая кампания по переводу среднеазиатских языков с латиницы на кириллицу и получилось, что те, кто прежде овладел латиницей, опять должны были переучиваться.

Главной целью решения «женского вопроса», процесса раскрепощения женщин Туркестана в партийно-правительственных постановлениях было вовлечение их в организацию строительства новой жизни на коммунистических началах. Для женщин бронировались места в учебных заведениях, снижались требования к ним при поступлении, организовывались женские педагогические техникумы. Сохранились фотографии 1930 г., выполненные в столице Таджикистана Сталинабаде, нынешнем Душанбе. Например, в аудитории женского педагогического техникума за партами сидят и стоят у стены молодые женщины, одетые по-европейски, и внимательно слушают лектора-мужчину (рис. 7).

В 1920–1930-е гг. существовала должность женработника (участницы движения женщин-активисток), призванного проводить агитацию среди женского населения, воспитывать их в духе социализма. С этой ролью справлялись женщины, чаще всего русские или выдвинутые из местных. На одном из кадров женработница беседует с местными женщинами, расположившимися живописной группой на открытом воздухе в тени дерева, у некоторых закрыты лица (МАЭ И 68-95). Другой снимок, «Беседа врача с женщинами в кишлаке», показывает работу специально приехавших в кишлаки медиков (МАЭ И 68-97). Таким образом, снимки выставки «Производительные силы Таджикистана», далеко не всегда отражавшие реальную жизнь, пытались создать визуальный образ нового человека, продемонстрировать счастливый быт колхозников советского Таджикистана.

Рис. 6. Занятия ликбеза. С выставки «Производительные силы Таджикистана». 1933 г. Таджики. МАЭ И 68-84

В процессе изучения музейных фотоснимков и документации 1920–1930-х гг. пришлось встретиться с фактом всепроникающей партийной цензуры. На полях описи коллекции «С выставки «Производительные силы Таджикистана»» была сделана пометка рукой сотрудницы музея Елизаветы Парменовны Николаичевой: «Сдано уч. секретарю 13.XII.38 г.» Это означало исключение из описи и состава коллекции отмеченных ею отпечатков и негативов. Слова на полях описи относились к четырем снимкам, объединенным скобкой. Один из кадров назывался «Группа просвещенцев во главе с наркомпросом т. Нисар Мухамедовым». Оставшиеся три изображения либо повторяли эту фотографию, либо были портретами. По кратким аннотациям («Группа (неизвестная)» либо «То же») невозможно определить их содержание (МАЭ И 68-113–116).

На исключенном из описи снимке запечатлен репрессированный просветитель, исследователь малых языков Средней Азии, первый народный комиссар просвещения Таджикистана Нисар Мухамедов (Нисор Мухаммад, Мухаммед, Мухаммедов) (1897–1937). О жизни этого общественного деятеля, который много сделал для открытия школ, первых детских садов, библиотек, курсов и училищ по всей Средней Азии, практически отсутствует информация, в том числе фотоматериалы. В наши дни таджикские режиссеры Сафарбек Солиев и Давлатназар Худоназаров по крупицам собирали сведения о Н. Мухамедове для создания фильма о нем (Солиев снимет кино... 2018).

Имя Н. Мухамедова в истории МАЭ связано с работой Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР (1926–1929). Известный иранист И. И. Зарубин особо отмечал широкое и постоянное содействие работе экспедиции местных учреждений, общественных деятелей и научных

Рис. 7. Женщины-курсантки. С выставки «Производительные силы Таджикистана». 1933 г. Таджики. МАЭ И-68-87

сотрудников. Среди них в первую очередь он выделял Нисара Мухаммеда, который, по словам И. И. Зарубина, мог считаться фактически сотрудником экспедиции. Он совершил предварительную поездку в Пенджикент, откуда начинался маршрут, снабжал экспедицию транспортными средствами, воинской охраной, находился с сотрудниками И. И. Зарубина в Фальгарской и Искандеровской волостях (Прищепова 2000: 154). В 1937 г. Н. Мухамедов был арестован и тогда же его жизнь трагически оборвалась: он был расстрелян. Реабилитировали его в 1957 г.

О выставке «Производительные силы Узбекской ССР» можно судить лишь по десятку сохранившихся кадров (МАЭ И 3). Судя по фотографиям, новой для выставочной деятельности МАЭ была не только экспозиционная тематика, но и музейное оборудование. Предметные коллекции демонстрировались с помощью манекенов, выполненных в натуральную величину и одетых в национальные костюмы, и макетов, которые создавали иллюзию пространства. Сценки «Правление колхоза», «Внутри правления колхоза» и другие были воссозданы по экспедиционным фотографиям, привезенным сотрудниками музея. Например, в Большом конференц-зале АН СССР была сделана копия постройки из глины, в которой размещалось правление одного из колхозов Узбекистана (МАЭ И 3-2). Узбечка — председатель колхоза вместе с табельщиком, сидя за столом, проверяют выработку колхозников (МАЭ И 3-3). Если на экспозиции «Производительные силы Таджикистана» была показана фотография сбора бухарским чиновником урожая дехкан, то на выставке «Производительные силы Узбекской ССР» в противовес ей была смонтирована сценка сдачи и приемки хлопка в колхозе, в которой наравне с мужчинами принимали участие и женщины. Другая сценка демонстрировала кустарную обработку хлопка женщинами, очистку его от семян (МАЭ И 3-4, 7).

Над созданием юбилейных выставок сотрудники музея трудились в течение длительного времени, вырабатывалась их методика, подбирались экспонаты. Тем не менее, вероятно, один из ее создателей, С. М. Абрамзон, не признавал их удачными, считая, что экспозиции не создавали подлинного представления о быте народов Средней Азии (Абрамзон 1935).

Другая концепция, также с идеологической направленностью, легла в основу открытой в зале МАЭ экспозиции «Таджики и припамирские иранцы» (МАЭ И 731). Об этой выставке удалось собрать лишь упоминания или краткие сведения (Абрамзон 1935; 1939; Кондауров 1934). Ее называли первой этнографической экспозицией по Средней Азии ленинградских музеев (Абрамзон 1939: 136). По всей видимости, эта выставка, как и юбилейные, развернутые в залах АН СССР, создавалась по госзаказу и также задумывалась как «подарок к десятилетней годовщине национального размежевания среднеазиатских республик». Открытие выставки планировалось на ноябрь 1934 г. (Кондауров 1934: 123).

К 1930-м гг. научная общественность все еще была мало знакома с проблемами истории и этнографии Таджикистана и Восточной Бухары. Фактически выставка была посвящена этнографии ягнобцев и других горных иранских народов Припамирья и включала в себя несколько отделов. Вводная часть рассказывала о расселении народов этого района Средней Азии. Согласно экспозиционному плану, центральная часть выставки знакомила с жизнью населения в эпоху Бухарского эмирата. Экспозиция, по характеристике одного из ее создателей ираниста А. Н. Кондаурова, неоднократно посещавшего Памир, «отображала развитие производительных сил и производственные отношения», дававшие «представление об обществе мелких замкнутых самостоятельных хозяйственных единиц, внутри которого сосредоточено производство всего необходимого» (Кондауров 1934).

Для показа контраста между тяжелой долей крестьян до революции и как противопоставление колониальной политике царизма национальной политике советской власти в выставку была введена сцена опечатывания зерна на току у дехканина-бедняка прибывшим эмирским чиновником для сбора хараджа. Кадр уже использовался в виде фотоснимка и как макет на выставках, о которых шла речь выше (МАЭ И 731-12).

В экспозицию «Таджики и припамирские иранцы» были введены макеты, сцены с соответствующими вещевыми коллекциями и прекрасно выполненными фигурами манекенов. В разделе, посвященном отдельным видам хозяйственной деятельности, в сцене «Молочная артель» была показана роль женщины в молочном хозяйстве, объединявшем женщин для переработки молочных продуктов на летовках. Сценку дополнял живописный фон с изображением горного жилища и пейзажа характерной местной природы (МАЭ И 731-8).

Отдельный раздел выставки был посвящен духовной культуре народов региона. Фотография без названия сохранила изображение мастерски выполненного макета внутреннего вида кишлачного «дома огня», или мужского дома, при мечети, где в зимнее время собиралось мужское население, проводя время за беседами и обсуждениями общественных дел. «Дом огня» являлся своего рода «клубом» мужской части кишлака. На макете показана обстановка такого дома и происходящее в нем собрание мужчин. Группа мужчин стоит и сидит в помещении, слушая игру музыканта. У входа они сняли характерную деревянную обувь на шипах. Виден интерьер — деревянная дверь, резная колонна, высокие потолки с выступающими балками, стены с нишами.

Через коллекции оружия, утвари и предметов обихода феодальной знати раскрывался социально-политический строй, или, как это было принято называть, «надстроечные явления», полунезависимых феодальных объединений Восточной Бухары первой половины XIX в. (Абрамзон 1939:

136). На планшетах-щитах располагались стенды с листами-схемами, называвшиеся диараммами, с удачно исполненными объемными схемами, которые объясняли структуру и роль феодального аппарата власти. По замыслу организаторов выставки стенд о размерах калыма в горном Таджикистане должен был продемонстрировать наиболее архаичные явления жизни кишлака. В каждой из трех строчек таблицы указывалось, какое количество быков, коров, лошадей, мануфактуры, котлов, ружей, мешков пшеницы должны были уплатить при женитьбе бедняк, середняк и бай. Внизу на стенде имелся пояснительный текст: «Если бедняк не мог уплатить калыма, то он женился на пожилой вдове или шел в услужение к будущему тестю на несколько лет».

Содержанием одной из объемных схем стало изображение, выполненное в виде шахматной доски, объясняющее систему управления Каратегинского шахства до завоевания его бухарским эмиром (МАЭ И 731-5). Наверху на доске на одном уровне были установлены фигурки кази, судьи, ша и ишана, ниже располагались есаул-баши и диван-беги, еще ниже — наукары — родовая знать, дружинники, мушриф, сборщик подателей и другие чиновники более низкого положения. Еще одна объемная схема отображала аппарат управления в Каратегинском бекстве периода вхождения его в качестве одного из районов Восточной Бухары в состав Бухарского ханства. Она тоже была выполнена в виде шахматной доски, по которой были расставлены фигурки должностных лиц государства. В этих схемах была заложена действительно очень важная информация. В историко-этнографической литературе (описаниях современников и монографиях более поздних лет) не сложилось четкого представления о разделении функций многих чинов и должностей эмирата. По сведениям одних авторов, часто одно лицо соединяло и военные, и гражданские обязанности, другие утверждали, что военные и гражданские чины различались.

На выставке «Таджики и припамирские иранцы» также демонстрировался мастерски выполненный макет гробницы святого Хазрата Бурха, купол с двумя минаретами. Считается, что здание перестраивалось лишь в XVII–XVIII вв. Мазар расположен далеко в горах, стоит на обрыве, вокруг видны вершины гор. О нем знали многие жители Южного Таджикистана. Сотни лет к нему стекались караваны паломников со всего Бухарского эмирата, из Афганистана, даже из Индии. Этот макет повторял в деталях фотографию из коллекции Таджикской комплексной экспедиции АН СССР 1932 г., одним из участников которой был выдающийся востоковед и этнограф Н. А. Кисляков (МАЭ И 58-204).

Н. А. Кисляков описал свою поездку к мазару Хазрати Бурха (Кисляков 1934). По сведениям автора, кишлак у мазара назывался кишлаком шейхов, потому что жители кишлака, посетители мазара, принимали паломников, ничем другим не занимаясь, даже сельским хозяйством. Н. А. Кисляков писал, что в советские годы жители стали жить новой жизнью и организовали «колхоз шейхов». Фактически кишлак шейхов был насильственно выселен еще до войны в 1939 г. Последний шейх Шейхи-Каландар попал под сталинские репрессии, его арестовали, и дальнейшая его судьба неизвестна. После войны в долине реки было страшное землетрясение, в результате которого погибло много кишлаков. Советское правительство старалось переселить население из опасных для проживания горных районов в равнинные места на хлопок, строительство дорог. Запрет на поселение в этом районе был снят лишь в 1980-е гг.

Любопытно, что в отечественной этнографической литературе после Н. А. Кислякова о мазаре Хазрати Бурха не упоминали. Мазар, с которым связано множество легенд, в советские годы пытались реставрировать, в начале 1980-х гг. купол сооружения покрыли жстью, но в 1983 г. произошло сильное землетрясение и он обвалился, пострадал минарет. При большой удаленности от крупных городов и труднодоступности организовать ремонт было трудно (Сазонов 1982–1984).

Фотография макета мазара с выставки сохранила до наших дней не только внешний вид выставки 1934 г. «Таджики и припамирские иранцы», но и внешний вид начала 1930-х гг. одного из почитаемых паломниками мест Средней Азии.

Отдельный раздел выставки включал в себя материалы по искусству таджиков и припамирских иранцев (вышивка, орнамент на вязаных чулках, резьба по дереву, музыкальные инструменты), народным играм и развлечениям (игра в поло, борьба, скачки и т. п.). В сценке у шугнанцев танцующий музыкант сопровождал себя на смычковом инструменте. По сообщению С. М. Абрамзона и, по всей видимости, одного из создателей выставки А. Н. Кондаурова, дореволюционный раздел заканчивался сценой старинного эротического танца, в котором участвовали переодетый женщиной мужчина и старик с искусственным горбом (Абрамзон 1939; Кондауров 1934).

Завершающая часть выставки была посвящена социалистическому строительству. Среди коллекционных предметов, связанных с Гражданской войной в Таджикистане, было показано подлинное басмаческое оружие. Фотоматериалы иллюстрировали происходившие процессы социальной и технической реконструкции народного хозяйства, роста промышленности, успехи культурной революции. Сценки-макеты представляли счастливую советскую семью в доме культурного зажиточного колхозника, показывали продвижение европейского инвентаря в сельское хозяйство и его механизацию. Фигуры манекенов демонстрировали новое социалистическое отношение к труду, например колхозные бригадиры — женщина-шелковод и мужчина-хлопковод докладывали о работе председателю. На выставке были также представлены непривычные для местного быта продвигавшиеся в кишлак культтовары и предметы ширпотреба.

Макет «Красная чайхона» представлял традиционную чайную. Прежде это был культурный и общественный центр для мужчин. В советские годы, если верить макету, чайхону стали посещать и женщины. На айване они сидят вместе с мужчинами, факт, который вызывает сомнение. Собираемыми образами стали фигуры прохожих, противопоставлявшие старый и новый быт. Рядом с девушками с книгами в руках, в национальной и европейской одежде, с открытыми лицами по улице двигаются женские фигуры в парандже (МАЭ И 731-11).

Для оживления экспозиции были введены панно, одно из которых называлось «Крестьянское восстание» (МАЭ И 731-15). Во дворе усадьбы показаны фигуры бегающих дехкан. Хозяева дома, баи, с представителем царской администрации в белой военной форме смотрят на это с высокого айвана. Можно предположить, что это художественное произведение, его образы были созданы на заданную тему по предварительному заказу.

Выставка «Таджики и припамирские иранцы» просуществовала, вероятно, короткое время, о ней напоминает лишь сохранившаяся до наших дней фотоколлекция. Над ее созданием трудился коллектив отдела Передней и Средней Азии музея, используя современные полевые сведения из экспедиций А. Н. Кондаурова, С. М. Абрамзона и Н. А. Кислякова 1930-х гг. в Таджикистан и на Памир. По оценке А. Н. Кондаурова, основным недостатком экспозиции «Таджики и припамирские иранцы» была крайняя насыщенность материалом, а также его скученность, теснота помещения, отсутствие необходимого пространства для оформления сцен, фотографий и макетов (Кондауров 1934). Тем не менее общая оценка показательной выставки была положительной, отмечалось, что в целом инициатива первого опыта показа новой выставки богатейших этнографических коллекций, хранящихся в фондах МАЭ десятки лет и недоступных массовому посетителю, нужно только приветствовать (Абрамзон 1939: 136). По замыслу устроителей выставки она должна была стать частью будущей постоянной экспозиции, в которую вошли бы еще коллекции по нескольким крупным народам Передней и Средней Азии (афганцам, иранцам, туркам, белуджам, казахам).

На примере выставок МАЭ, которые прошли в 1930-е гг., можно судить, насколько идеологические установки влияли на выставочную деятельность музея. Выставки задумывались как ретроспективные, как показ эволюции новой жизни за десятилетие, рассказ о новом образе жизни, об успехах и результатах труда. Убежденность и уверенность в правильном пути выражалась в том, что во всех ситуациях человек новой формации выглядел энергично, бодро, не знающим сомнений. Все выставки этого времени объединял общий дух подъема. В рамках пробного проекта создания новых выставок были официально утверждены идеологические установки советского этнографического музееведения. К сожалению, рамки публикации не позволяют подробнее остановиться на многих затронутых в статье вопросах, в том числе на сравнительных материалах по выставочной работе других музеев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1920. № 1.
- Абрамзон С. М. Средняя Азия в ленинградских этнографических музеях // Советская этнография. 1935. № 3. С. 14–17.
- Абрамзон С. М. Программа ближайших работ Института этнографии АН СССР // Советская этнография. 1939. № 2. С. 209–211.
- Адибекия Н. О. «Женские» съезды без женской организации // Вестник. 2007. № 17 (3). С. 157–159.
- Алферова И. В. Делегатские собрания 1920-х годов как проект подготовки советских женщин к управленческой деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 46–54.
- Беляев О. П. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800.
- Кисляков Н. А. Бурх-горный козел // Советская этнография. 1934. № 1–3. С. 181–189.
- Кондауров А. Резэкспозиция отдела Передней и Средней Азии в Музее антропологии и этнографии // Советская этнография. 1934. № 4. С. 123–124.
- Прищепова В. А. Коллекции заговорили. СПб., 2000.
- Тульцева Л. А. Из истории борьбы за социальное и духовное раскрепощение женщин Средней Азии (празднование 8 марта, 1920–1927 гг.) // Советская этнография. 1986. № 1. С. 12–22.
- Хартанович М. В. Манекены Кунсткамеры Петербургской Академии наук конца XVIII в. // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 116–122.
- Даулет Изтелеу. Новая экономическая политика в Казахстане. Qazaostan tarihi. (дата обращения: 15.03.2019).
- Сазонов В. А. Мавзолей Хазрати-Бурх. 1982–1984. URL: www.strannik.de/travel/burx.htm (дата обращения: 15.09.2014).
- Солиев снимет кино о наркоте просвещения Таджикистана Нисоре Мухаммаде. 31.05.2018. URL: <https://tj.sputniknews.ru/culture/20180531/1025734066/nisar-muhammad-narkom-tajikistan-kino.html> (дата обращения: 10.02.2019).

1930s EXHIBITIONS OF THE DEPARTMENT OF WESTERN AND CENTRAL ASIA OF KUNSTKAMERA

ABSTRACT. The 1930s are of special interest for the history of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (MAE). It was during the post-revolution period that the new research trends took shape among the Russian ethnographers, which were based on the Marxist understanding of social and economic relations. MAE stores several photo collections from the 1930s which contain images of the first Soviet ethnographic exhibitions dealing with the people of Central Asia and Kazakhstan. In 1931 a photo exhibition devoted to Women's Day on March 8 took place. It contained pictures of the life of women of Central Asia in the 1920–1930s, which demonstrated the changes happening in the society and culture. In 1932–1935, in connection with the tenth anniversary of the creation of the republics of Central Asia, Leningrad hosted conferences of the USSR Academy of Sciences which dealt with the studies of the productive forces of the region. Anniversary exhibitions which became the first displays of museum ethnographic collections organized after the adoption of the new ideological discourses were timed to coincide with the festivities. The exhibition “Tajiks and Pamir Iranians” was to become a part of the future permanent exposition, which would include collections on several large peoples of the region. The case of MAE exhibitions which took place in the 1930s provides an insight into how ideological attitudes influenced exhibition activities of the museum.

KEYWORDS: exhibition, exposition, ethnography, people of Central Asia, museum, photo, picture

VALERIA A. PRISHEPOVA — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russia, St. Petersburg)

E-mail: vapr@kunstkamera.ru